

Цивилизационные перемены в России. 2023. С. 50–58.
Civilizational changes in Russia. 2023. P. 50–58.

Научная статья
УДК 130.2

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО И ГОСУДАРСТВО: ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ

Полина Викторовна Хрущева

Уральский государственный лесотехнический университет,
Екатеринбург, Россия
khrushchevapv@m.usfeu.ru

Аннотация. В статье прослеживается отношение властей к славянофильским и западническим идеям на протяжении нескольких столетий от зарождения представлений об особом пути России до современности.

Ключевые слова: славянофильство, западничество, почвенничество, неославянофильство

Для цитирования: Хрущева П. В. Славянофильство и государство: история отношений // Цивилизационные перемены в России. 2023. С. 50–58.

Scientific article

SLAVOPHILISM AND THE STATE: RELATIONSHIP HISTORY

Polina V. Khrushcheva

Ural State Forest Engineering University,
Yekaterinburg, Russia
khrushchevapv@m.usfeu.ru.

Abstract. The article traces the attitude of the authorities to Slavophile and Westernist ideas for several centuries, from the origin of ideas about the special path of Russia to the present.

Keywords: slavophilism, Westernism, pochvennichestvo, neo-slavophilism

For citation: Khrushcheva P. V. Slavophilism and the state: relationship history // Civilizational changes in Russia. 2023. P. 50–58.

Серьезные перемены в России либо инициируются правительством, либо оказываются последствиями бунта, «бессмысленного и беспощадного». Поскольку последнее – явление исключительное, а первое – фактор постоянный, мы в данной статье проследим, применяя диахронический метод, отношение правящих кругов к двум идеям, присутствующим в российском духовно-идеологическом пространстве с конца XV века: идее самобытности путей развития России и идее необходимости заимствований с Запада и, как результат, встраивания в западную цивилизацию.

Начало русофильских воззрений можно обнаружить во времена правления Василия III или даже его отца, Ивана III. В 1492 г. митрополит Зосима в «Изложении пасхалии» объявляет Москву новым Константинополем (а Константинополь, в свою очередь, новым Иерусалимом) [1]. Таким образом, согласно Зосиме, Москва оказывается третьим Иерусалимом, тогда как спустя 31 год старец Филофей из Псковского монастыря в письме называет Константинополь новым Римом, и Москва у него оказывается тоже Римом, по счету третьим и последним. Концепция преемственности приобретает, помимо религиозного, политический аспект, ведь Рим – не просто центр древнего христианства, Рим еще и столица империи. Империя же исторически понималась как уникальная и возможная только в единственном числе. В Средние века Восток (Византия) и Запад (Каролингская, а затем Священная Римская империя) оспаривали «имперскость» друг друга, полагая истинной и единственной империей свою собственную. На рубеже XV и XVI веков в давний имперский спор вступает новая страна (скорее, цивилизация), полагавшая себя преемницей Восточной Римской империи (а согласно теории старца Филофея, и не только восточной).

Наследница Византии, Древней Руси и Орды, Московская Русь стала котлом, переплавлявшим традиции, стили и идеи с тем, чтобы в результате из сплава возникла новая цивилизация, постепенно обретавшая свой стиль, свою идею и собственный самобытный путь развития.

Первым западником на троне можно считать Алексея Михайловича, с его приверженностью к различным проявлениям западной культуры (будь то европейские газеты, театральные постановки или предметы быта). Еще более тяга к европейской культуре была присуща его детям, воспитанникам Симеона Полоцкого. Охваченный реформаторским пылом Федор вводит прямые налоги, отменяет отрубание рук за воровство, инициирует создание греко-славянского Типографского училища, уничтожает местничество и сжигает разрядные книги. В Посольском приказе для юного царя составляют обзоры западной прессы, при его дворе начинают брить бороды, стричься по-польски и носить польское платье. Софья, на чью внешнюю и внутреннюю политику во многом влиял ревностный западник Василий

Голицын, заключает стратегический союз с Речью Посполитой и открывает Славяно-греко-латинскую академию. И, наконец, правление младшего из детей Алексея Михайловича, Петра, обернулось триумфом западничества, полным и безусловным.

На протяжении всего XVIII века российское правительство оставалось прозападным, при Анне Иоанновне и Бироне, при Елизавете Петровне и ее Гольштейн-Готторпском племяннике, а также при его немецкой супруге. Менялась лишь ориентация на конкретную европейскую страну: место голландского и немецкого языков, популярных при Петре I, при Елизавете Петровне занял французский, постепенно вытеснивший из дворянского обихода все остальные языки, в том числе и русский, который дворяне учили как второй язык, после французского. Галломания приводила как к забавным казусам, так и к весьма серьезным последствиям. К казусам можно отнести встречу в Тильзите Александра I и Наполеона, где выяснилось, что французский язык императора французов далеко не столь совершенен, как французский русского императора. Серьезным и тревожащим следствием галломании стало разделение жителей России не просто на сословия, как было прежде, но и на два мира, говорившие на разных языках.

В XIX веке западничество и славянофильство оформились в идеологические направления, первое в 30-е, второе в 40-е гг. Однако у славянофилов были предтечи. Не стоит забывать двух выдающихся людей, последовательно занимавших пост государственного секретаря Российской империи, А. С. Шишкова и А. Н. Оленина. А. С. Шишков стал первым борцом с галломанией в российском обществе и в книге «Рассуждение о старом и новом строе русского языка» (1803) призывал меньше подражать французам и больше опираться на собственные традиции. Изыскания А. Н. Оленина в области русских древностей (оружия, одежды, нравов и обычаев домонгольского периода) трудно переоценить.

В середине XIX века западническая ориентация российского правительства ярко проявилась в отношении к славянофилам. На философическое письмо П. Я. Чаадаева реакция властей была, конечно, тоже негативной, но это было обусловлено не его западничеством как таковым, а радикальной и оскорбительной формой его высказываний.

Славянофилы 40-х гг. XIX века были на порядок менее категоричны в своих суждениях, чем западники, и не потому, что были не столь уверены в своей правоте, а потому, что смотрели шире, не отметали и не перечеркивали достижений западной культуры, как это делали западники по отношению к культуре русской. Категоричность В. Г. Белинского контрастирует с бережностью А. С. Хомякова, грустившего о погружении во мрак Запада, «страны святых чудес» [2].

Неприятие славянофилов властью наилучшим образом свидетельствует о ее, власти, западнической ориентации. Неприятие это выразилось в ограничении публикаций славянофильской направленности, в запрете на одежду в «русском стиле», а также в невозможности для славянофилов преподавать.

Славянофилы неоднократно обращаются за разрешением издавать свой журнал, но неизменно получают отказ. Русские журналы – «Современник», «Отечественные записки», «Русское богатство», «Вестник Европы» – были изданиями западников. Даже совместно с западниками издавать журнал было невозможно: западник Т. Н. Грановский, будучи другом И. В. Киреевского, пытался добиться разрешения на совместный журнал, но ему было отказано. Славянофилы пользовались оставшейся возможностью – издавать неперIODические сборники, которые проверялись цензурой только после публикации. Так называемые «Московские сборники» выходили в 1846, 1847, 1852 гг., каждый раз после выхода они запрещались цензурой. В конце концов, последовало дополняющее правила цензурного устава распоряжение Николая I подвергать статьи славянофилов рассмотрению цензурой не после публикации, а предварительно. Это практически отрезало славянофилам возможность публиковать свои работы. Людям, ратующим за русский путь и самобытные формы самовыражения, приходилось публиковаться за границей на иностранных языках. Так, на французском издавал свои богословские труды А. С. Хомяков, чей язык и стиль вызывали восхищение носителей языка.

Не имея возможности печатать свои работы, славянофилы зачитывали их в салонах, собраниях, но власти не замедлили запретить им, в частности, А. С. Хомякову, читать кому-либо свои произведения. Оставалось свои взгляды демонстрировать внешним видом (носить бороды, зипуны, мурмолки). Константин Аксаков писал в письме: «я иду... к народности и жизни... я иду к самобытности от обезьянства..., я иду к народу от публики; еще проще: я иду домой» [3]. Но в 1849 г. последовал запрет на ношение славянофилами бород и русских одежд. У дворян допускались усы и/или бакенбарды, но не бороды. К. С. Аксакова и его отца С. Т. Аксакова персонально обязали не носить на публике «русскую одежду».

К запретам со стороны властей добавлялись злые насмешки со стороны западников. Пётр Чаадаев шутил, что Аксаков оделся так «национально», что народ на улицах принимал его за персиянина [4]. Белинский писал: «Петербургские журналы действительно подтрунивали над мурмолками, а московские журналы точно не подтрунивали над ними; но это не потому, чтоб мурмолки были смешны только в Петербурге, в Москве же были бы не смешны, а опять-таки потому только, что в Москве всего-навсего один

журнал, да и тот родственный мурмолам... Смеяться, право, не грешно над тем, что кажется смешно» [5].

Закрытой для славянофилов оказалась и сфера преподавания: неоднократные попытки И. В. Киреевского и К. С. Аксакова занять кафедру философии в Московском университете были безуспешными.

После смерти Николая Павловича ситуация с публикациями меняется благодаря общим политическим послаблениям. Возникают многочисленные периодические издания славянофилов (журнал «Русская беседа» (1856–1860) с приложением «Сельское благоустройство», газеты – «Молва» (1857), «Парус» (1859), «День» (1861–1865), «Москва» (1867–1868) «Москвич» (1867–1868), «Русь» (1880–1886)). При этом в окружении императора Александра II по-прежнему превалируют западники, вследствие чего периодические издания славянофилов оказываются недолговечными. Из-за статьи К. С. Аксакова на 38-м номере закрывается еженедельная газета «Молва». Газета «Парус» успела выйти лишь дважды, прежде чем была запрещена. Причиной послужило указание в передовице на то, что единственной путеводной нитью в реформах может быть начало народности, а также статья Погодина о необходимости возрождения черноморского флота и прекращения доминирования Англии и Франции на православном Востоке. Статьи были осуждены за «непозволительное вмешательство частного лица в виды и соображения правительства». Обратившись за разрешением издавать газету «Пароход» и заменить ею «Парус» для ее подписчиков, друг Аксакова Ф. В. Чижов разрешение получил с условием, «чтобы идея о праве самобытности развития народностей как славянских, так и иноплеменных, не имела места в газете». Трижды приостанавливалась и выпуск газеты «Москва» (на три, четыре и шесть месяцев), ее редакцией было получено десять предостережений, и все это на протяжении неполных двух лет.

Под утверждение самобытности Российской цивилизации и ее принципиальной невключаемости в цивилизацию Запада на рубеже 1860-х и 1870-х гг. был подведен мощный фундамент. Данным фундаментом стала теория культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского. Книга «Россия и Европа» начала выходить в 1869 г. в журнале «Заря», и первые же главы вызвали у Ф. М. Достоевского восторг из-за полного совпадения мыслей автора сего собственными.

Славянофильская мысль резко реагирует на убийство императора, пользуясь возможностью назвать корень проблемы; цареубийство и цареубийцы являются, согласно газете «Русь», «порождением тёмных сторон петербургского периода нашей истории, отступничества от русской народности, измены ее преданиям, началам и идеалам; порождение того

раболепства духовного европейскому Западу... Нет, не в дальнейшем следовании по пути подражания Европе наше спасение» [6]. Данные мысли были близки новому императору Александру III. В 1866 г., еще в бытность цесаревичем, он становится одним из инициаторов создания Русского исторического общества. Во многом придерживаясь славянофильских идеалов, Александр Александрович носил бороду, поддерживал историческую живопись на сюжеты из русской допетровской старины и возведение зданий в русском стиле. Архитектура русского (или новорусского, но не псевдорусского) стиля возникла не при Александре III, однако при нем достигла своего апогея: в Санкт-Петербурге строится Спас на Крови (Храм Воскресения Христова), в Москве Музей русских древностей, Верхние торговые ряды (ГУМ), множество храмов в русле допетровской ярославской школы зодчества. Ради ослабления зависимости от европейских товаров император проводил политику протекционизма в экономике.

Царя и славянофилов разделяла в основном только идея Земского собора – идея парламентаризма в какой бы то ни было форме была неприемлема для убежденного сторонника самодержавия. Изнанкой же русофильской политики Александра III стала довольно агрессивная русификация национальных окраин империи.

Когда Александр III пишет, что хотел бы «доказать всей изумленной, испорченной нравственно Европе, что Россия та же самая святая, православная Россия, каковой она была и при царях Московских и каковой, дай Бог, ей остаться вечно!» [7], он высказывается совершенно в славянофильском духе.

Этот дух не был столь близок Николаю II, но в чем-то он продолжает линию отца: в 1898 г. открывает Русский музей, в 1903 году проводит костюмированный бал, где все дворянство присутствует в русских костюмах XVII века.

Большевики, желавших поражения российскому правительству в войне и мечтавших о мировой революции, не интересовали культурные и цивилизационные различия, они концентрировались на классовых и формационных. Они не мечтали повторить путь Запада, но именно оттуда импортировали свою идеологию. Когда стало ясно, что мировой революции ждать бесполезно, они заговорили об особом пути нашей страны, однако лишили ее имени собственного. Почвенничество было им совершенно чуждо, его отвергли целиком – с его преданием, с традицией и символами. Некоторое время после революции в школах не преподавали историю, лишь общие схемы и закономерности общественного развития. В 1934 г. была осознана и постулирована И. В. Сталиным необходимость изучения истории, «которая должна принять традиционный для дореволюционной

школы государственно-патриотический характер» [цит. по: 8]. К символам и традиции пришлось вернуться в годы Великой Отечественной войны, когда власть стала использовать любой ресурс для победы. Культурный разворот выразился в изменении отношения к религии, в воскрешении русской истории и священных для русского слуха имен (в 1942 учреждаются ордена Александра Невского, Суворова и Кутузова, в 1943 орден Богдана Хмельницкого, в 1944 ордена Ушакова и Нахимова). В 1941 г. прекращается деятельность Союза воинствующих безбожников, в 1943 г. глава государства встречается с иерархами церкви, способствует созыву архиерейского собора и избранию на нем патриарха. Директивой Народного комиссариата государственной безопасности СССР от 22 сентября 1943 г. запрещалось чинить духовенству препоны в реализации решений Патриарха и Синода по учреждению богословских курсов, свечных заводов и распространению «печатных изданий Патриарха и Синода». В 1942 г. также был расширен курс истории в школах (в десятом классе с 82 до 130 часов), история подавалась исключительно в патриотическом ключе.

В сталинскую эпоху мы можем говорить лишь о правительственной политике и колебаниях «генеральной линии партии», но после смерти «вождя народов» стали возможны и общественные движения. В 1965 г. славянофильство возрождается в движении, которое называют «неославянофильством», «советским славянофильством» или «неопочвенничеством»: в «Молодой гвардии» была напечатана статья С. Коненкова, П. Корина и Л. Леонова «Берегите святыню нашу!» Если славянофилы XIX века обращались к допетровским временам, то у советских славянофилов роль священной старины играла дореволюционная Россия, памятники и историю которой они призывали беречь, хранить, изучать и реставрировать. Власть не отреагировала, и в «Молодой гвардии» одна за другой стали выходить статьи В. А. Чалмаева, М. П. Лобанова и др., демонстрировавшие континуализм в понимании русской истории (революция как поворотная веха в их изложении стиралась). Критикуя капитализм, они понимали его не в марксистском, а больше в национальном смысле, как нечто органично присущее западу и абсолютно чуждое русскому народному духу. В начале 70-х на «чалмаевщину» обрушилась «партийная критика», неопочвенников обвинили в «идеализации старины», а также в «отходе от марксистских классовых позиций в оценке прошлого». Редактор «Молодой гвардии», А. В. Никонов, был снят Секретариатом ЦК, а на его место был назначен А. С. Иванов, убедивший партаппаратчиков в том, что он взглядов «вульгарных почвенников» не разделяет (что не было правдой) [9].

Власти эпохи застоя не поддерживали ни западничество (что естественно), ни славянофильство, пытаясь удержаться на по-советски понимаемых

марксистских классовых позициях, не предполагавших деления на «восток» и «запад».

К середине 1980-х стало ясно, что советская система оказалась неконкурентоспособной как в идеологическом, так и в экономическом отношении. 90-е годы стали торжеством западничества. Снова, как при Петре I, западная культура стала образцом и эталоном во многих сферах жизни, что не могло не вызвать у части общества яростного противодействия. Борьба западничества и почвенничества в культурно-идеологическом пространстве вспыхнула с новой силой. Российские власти, поначалу приняв все «западные» правила игры и вступив во все возможные европейские организации (вплоть до высказанного, но не поддержанного Западом желания вступить в НАТО), полагали, что по завершении противостояния двух систем настала эра сотрудничества. Однако вскоре Запад продемонстрировал, что у него совсем иные намерения; планомерное уничтожение сначала Югославии, затем Ирака (а позднее Ливии и попытка повторить этот удачный опыт в Сирии) заставили задуматься о том, что встраивание в американско-европейские структуры не способно обеспечить выживание государства. Начался постепенный, растянутый на два десятилетия разворот к почвенническим идеям, что проявляется во многих сферах, в частности, в изменениях в законодательстве, а также в высказываниях главы государства. В 2015 г. В. Путин цитирует слова Александра III о двух союзниках России, ее армии и флоте [10], в 2018, выступая на пленарном заседании XXII Всемирного Русского Народного Собора, ссылается на Н. Я. Данилевского, обосновывая необходимость и неизбежность многополярности мира, и предваряет цитату словами: *«Голос России в мире будущего будет звучать достойно и уверенно. Это предопределено и нашей традицией, нашей внутренней духовной культурой, самосознанием и, наконец, самой историей нашей страны как самобытной цивилизации, уникальной, но не претендующей самоуверенно и хамовато на свою исключительность...»* [11].

Уже после того, как отстаивание самостоятельности и самостоятельности Российского государства в противостоянии с западом вступило в активную фазу, в декабре 2022 г. глава государства говорит о переменах в России и мире: «Большие перемены сегодня происходят не только в России, верю, что это перемены в лучшую сторону. Надеюсь, что своими делами, поступками, своей решимостью и открытостью наших намерений, планов, принципов мы сможем сделать мир более справедливым, – таким, где все народы по-настоящему равны, где каждый имеет право на уважение, на то, чтобы следовать собственным традициям, говорить на родном языке и чтить своих предков...» [12].

Глобализация во многих странах, не только в России, вызвала противодействие в виде подъема идеологии почвенничества, но в нашей стране этот подъем был особо подогрет агрессивной политикой США, которые в своем стремлении к мировой гегемонии пытаются взять Россию в кольцо, организуя (где-то удачно, где-то нет) государственные перевороты в сопредельных России странах. В данный момент в общественном мнении современной России можно констатировать торжество славянофильства, полностью поддержанное государством.

Список источников

1. Русская историческая библиотека, издаваемая археографическою комиссиею. Т. 6. Памятники русского канонического права. Ч. 1 (памятники XI–XV в.). СПб, 1880. С.795–802.
2. Хомяков А. С. Трагедии и стихотворения // Полное собрание сочинений. Т. 4. М. : «Университетская типография на Страстном бульваре», 1900. С. 215.
3. Герцен А. И. Былое и думы. Т. 1. М. ; Л., 1931. С. 441.
4. Аксаковы и Свербеевы. Страницы переписки двух семей (1840-е – 1860-е годы) // Абрамцево в истории и культуре России: сборник статей под ред. Е. Н. Митрофановой. Абрамцево, 2015. С. 30.
5. Белинский В. Г. Собр. соч. в 3 т. Т. 3. М., 1948. С. 727.
6. «Русь». Особое прибавление к № 16, 4 марта 1881.
7. Александр III – Марии Федоровне (неопубликованные документы Императорского архива 1866–1894) / публикация Ю. В. Кудриной // Русский дом. 1998. № 10.
8. Витевицкий В., Лавренов С. История как предмет в школах России // Обозреватель-Observer. 2016. № 8. С. 76.
9. Яковлев А. Н. Омут памяти. М.: Вагриус, 2000. С. 178.
10. Президент: У России два союзника – армия и флот // Фонтанка. ру. URL: <https://www.fontanka.ru/2015/04/16/135/> (дата обращения: 09.02.2023).
11. Заседание Всемирного русского народного собора // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59013> (дата обращения: 16.01.2023).
12. Видеообращение к участникам первого съезда Российского движения детей и молодежи // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70097> (дата обращения: 19.02.2023).